

Глава 1

Ратное, июль 1128 г.

На заливном лугу у Горыни-реки лениво паслись коровы. Черные, с белыми пятнами, пегие, рыжие — разные. У каждой на шее колокольчик — ботало. Вроде бы все боталы одинаковы, в одной кузне у дядьки Лавра деланы, однако — по-разному звучат. Хозяйки их на слух различают: под вечер ведут пастухи стадо, мычат коровушки, колокольчики звенят — и каждая хозяйка буренку свою отличает по звуку, выбегает — встречать. У кого две коровки, у кого — дюжина, у иных богатеев и полсорока — целое стадо! А есть и такие, у кого только одна. Бедолаги, чего уж. И все же не даром сказано: коровушка богатств не прибавит, но и с голоду помереть не даст. Молоко, творог, сметанка... А если кроме коровы еще и куры, и утки есть, да еще жито-хлебушек ежели уродится — то и совсем милое дело!

— Да, жито — это славно, — щурясь от яркого солнышка, лениво потянулся тощий белоголовый парнишка — пастушок. Звали его Белян, а напарника — Хвалом. Только Хвал на волос темненьким был, и не тощим, а этак вот, в теле, по малому детству даже

жирнягой кликали, и детство то недалече осталось, обоим пастушкам едва минуло по десяти лет. Для серьезных дел еще маловаты, а вот стадо пасти — самый раз. Не то, конечно, стадо, что на ближних лугах — те коровенки людей нарочитых, лучших — тех взрослые пастухи пасут, знающие да умелые... А вот это вот, на дальнем лужку, — это уж с бору по сосенке собрано беднотой, и не за деньги пастушата трудятся — за еду. И то — славно!

— Да уж, не худо, что хлебушек уродился, — погладив желтую, с подпалинами, собаку, важно согласился Хвал. — А ведь, помнишь, по осени-то не хотели сажать? Тетка Брючислава громче всех верещала: что за озимые такие, я сама хозяйка — что хочу, то и сажаю. А уж по осени-то — ни в жисть! Ты почто ржешь-то?

— Да так... Больно здорово ты тетку Брючиславу изображаешь! Похоже, ага...

Посмеявшись, Белян тоже погладил собаку:

— Горой, Гороюшка... хороши-ий... у-у-у...

Не молод уж был пес, прямо сказать — старенький. Да где ж бедным-то пастушатам хорошую-то собаку взять?

— А теперича — эвон! — ухмыльнулся Хвал. — Кто эти самые озимые посадил, как Михайло-боярич советовал, тот уже и с хлебушком! А остальные лебеду жрут. Как тетка Брючислава.

— Не-е, — Белян шмыгнул носом. — Тетка Брючислава лебеду жрать не станет. Есть у нее припасы-то. Да телку стельную недавно купила... Двух!

— Так второй-то — нетель!

— Все равно. Не с молоком, так с мясом, ага... — искося глянув на стадо — всего-то коровенок с дюжину, — Белян сглотнул слюну. — А вот, друже, хорошо бы нам в Михайлов городок, а? К бояричу в младшую стражу. Уж мы бы тогда...

— Рановато еще, — махнул рукой Хвал. — Малы, скажут. Да и хозяин отпустит ли?

— Меня тоже навряд ли...

— От, то-то и оно! Кому воевати, а кому вона — ровенок пасти.

— Ну, тоже дело. Зато не голодаем!

Таких вот отроков, как Хвал с Беляном, хватало в Ратном да и по всему Погорынью после знаменитого мора, случившегося не так и давно. Иные семьи полностью вымерли, да что там семьи — целые селения, та же Нинеина весь, от которой и людишек-то осталось — раз-два и обчелся. Это если саму колдунью Нинею считать и Красаву, девчонку-волхвицу. Приблуды — так вот таких, как Хвал-Белян, — обзывали. Своей семьи нет — померли все, — вот к дальней родне и прибились, а уж у тех-то не забалуешь — горбатиться будешь от зари до зари.

— Говорят, в землях Журавля-боярина тоже по осени озимые сеять собрались, — задумчиво промолвил Белян. — Слышь, Хвале! А мы с ними друзья или нет?

— Да пес их знает, — Хвал пожал плечами. — Боярин у них сгинул, кто там посейчас за главного — бог весть. Да они и сами не ведают — кто им друг, а кто враг. Лешаки еще эти... Подползут — не увидишь, вот уж умеют ховаться. Слышал, Ждан из младшей стражи сказывал — мол, от лешаков этих всего ждать можно. Одни старосте своему служат, а иные — бог знает кому...

Подул легкий ветерок, от реки потянуло прохладой.

До того кротко дремавший пес вдруг встрепенулся, потянул носом воздух. Не залаял, правда, но — беспокоился.

— Эй, Горойко! Ты что? Унюхал чего?

— Да, верно, дичь в камышах почуял! Тю, тю, Горой... Эх, и жарит, — Белян вытер со лба пот. — Может, купнемся?

— На стремнине-то? Так в омут живо затянет. Да и Вирея, деда Коряги телка — та еще! Сам знаешь — не доглядишь, живо к болоту сбежит, там и сгинет. Кого потом плетьми? Нас! С Коряги станется. Да и — единственная коровеха, да...

— Трусоват ты, Хвале! Ну, как хочешь, а я побегу...

Отрок живо стянул с себя рубаху...

И тут вновь вскинулся пес! На этот раз залаял, ощерился да с грозным рыком ринулся к речке — видать, и впрямь почуял кого-то чужого...

— Горой! Горой-ко!

Переглянувшись, ребята пустились следом. Первым — Белян, напарничек же его поотстал, замешкался... да и не больно-то любил бегать.

Обогнув заросли малины, мальчик выскочил почти к самой реке, как вдруг... словно бы сама земля вздыбилась! Впереди, в десятке шагов поднялся, вскинулся, не хуже Гороя, травяной ком! И руки у него оказались, и ноги, и голова... И все это в траве, в ромашках и в васильках даже!

Хоп! Что-то прошелестело — Горой, словно нарвался на какую-то невидимую преграду, вдруг заскулил и упал на передние лапы, а затем и вообще повалился на бок... Неведомое травяное чудовище тут же затянуло на шею собаки аркан!

Вот тут-то Белян все и понял. Обернулся, закричал:

— Лешак! Хвале, бежи-им!

Резко повернув, отрок бросился к малиннику, от него же сразу к реке. Хвал же побежал — уж как мог — к болотине, уж пастушки-то ведали там тайные тропы! Куда там лешакам. Лишь бы добежать...

Не глядя по сторонам, Белян с разбега бросился в воду, поплыл... Знал — там, на той стороне, —

сенокосы, полно людей, да и стража... Там — свои. Там и...

Лешак между тем тоже спустился к реке. Кажется, не особо и поспешал — но вышло так, что добрался быстро. В воду не нырнул, как Белян, с брызгами, а словно бы стек, тихо и незаметно. Нырнул и... так и не вынырнул! Во всяком случае, отрок, обернувшись, никого не увидел.

Значит — лешак за Хвалом погнался! Эх, Хвале, Хвале...

Только так подумал Белян, как вдруг кто-то схватил его за ноги! Схватил, потащил вниз неумолимо и быстро. Мальчишка и вскрикнуть не успел. Вот только что был, плыл — и нет его...

Выбравшись из воды, лешак тут же зашагал к болоту. Тоже вот так, вроде бы и не бегом — а быстро! К одежке его — к рубахе, штанам, к круглой суконной шапке, похожей на нурманский шлем, — были пришиты зеленые и бурые ленточки, в шапку же вставлены трава да цветки разные. Так вот спрячется на лугу — в двух шагах не увидишь. Одно слово — лешак.

Хвал уже подходил к твердому берегу, уже и совсем немного осталось. Выдохнув, паренек обернулся — уж теперь-то никто чужой не догонит. Обернулся... Какое-то чудище — леший? — махнуло рукой...

Что-то блеснуло... и острое стальное лезвие пронзило грудь, разрубив сердце... Нелепо взмахнув руками, Хвал рухнул в трясины...

Проследив за ним взглядом, лешак вернулся к стаду. Подобрал валявшийся под кустами кнут, щелкнул, погнал коровенок к болоту. Тягучая глубокая топь, с виду же — зелененькая такая лужайка, и трава там, верно, сочная-сочная, вкусная-вкусная... Коровенки-то туда, почитай, сами и пошли...

Про собаку убитую тоже не забыл лешак — подхватил, бросил в болото... Где уже бились, стараясь выбраться, захваченные гиблой трясиной буренки! Бились и жалобно мычали.

На покосе нынче было людно. Не так, конечно, как до лихоманки, до мора, бывало, но все же... Середина лета выдалась жаркой, но с дождиками — трава вымахала по пояс, коси — не хочу! Вот и косили, заготавливали сено на зиму, на две общины. Все молодежь. С одной деревни парни и девушки, и с другой. Любили молодые покосы, там и работа, там и любовь складывалась — пару себе подбирали. Потому и наряжались на покос соответственно — просто, но нарядно, никто не хотел замарашкой-неряхой выглядеть!

С утра на покосе — вся молодежь! Кто косит, кто граблями сено ворошит, кто стога мечет — всем дело есть. С чужими-то девками работать весело! Чай, не свои — сестры да прочие близкие родичи. Тут каждый покрасоваться рад! Тут и песни, и шутки, и смех... А потом можно и выкупаться сбегать... С девками-то чужими на речку... Ночевать в шалашах... А уж по осени засылать и сватов!

— А ну, раззудись! Щас метну... Ловите!

— Ох, и ловок ты, паря!

— Так а вы думали! Мы, Ратные, — парни хваткие. Вот как тебя посейчас схвачу, голубица!

— Ой, схвати, схвати! Поймай сначала.

— А вот и поймаю! Догоню!

Невдалеке, у рябиновой рощицы, звонко ударил подвешенный к ветке колоколец. Однако обед! Обедали всяк по-разному. На иных покосах — каждый со своей едой приходил, здесь же — нанимали повара, верней сказать — повариху. Все продукты — ей, ну и рыбки ежели кто вечером наловит...

— Обед у них! — услышав донесшийся звон, улыбнулся стражник. Несмотря на жару — в короткой се-ребристой кольчужнице, с самострелом, с мечом, еще и короткое копьё — рогатина к березе присло-нена. Листовидный наконечник, толстое древко из ясеня — такое копьё и метать можно, и медведя брать.

Правда, судя по стражнику, на медведя ему еще рановато было — слишком уж юн, безусый и по виду — шало-пай! Веснушки, рыжие непокорные вихры — шлем с подшлемником валялся рядом, в траве, — щербатая улыбка — одного из передних зубов у парнишки-то не хватало, видать, в драке выбили... Хотя не-ет... не в драке, напарник — стражей-то было двое — это пре-красно знал. Тоже — тот еще напарничек, пожалуй, даже помладше рыжего. Такой же тощий, волосы — как солома, к тому ж суетлив безмерно, словно в детстве ежа проглотил. Вот и сейчас без нужды суетился — то снимет шлем, то наденет, то погладит арбалет, потом вдруг спохватится — пощупает мешочек с болтами-стрелами — на месте ли?

— Хорошо сейчас на покое, а, Велька?

— Не Велька, а урядник Велимудр, — важно ото-звался рыжий.

— Так я и говорю ж!

— Нет! Ты, Глузд, не так все говоришь, а с подво-хом.

— Я? С подвохом? — Глузд суетливо замахал рука-ми: — Да ни в жисть!

— Вот зачем, скажи, нас с тобой в один караул по-ставили? — рыжий Велимудр-Велька важно надул губы.

— Так то десятник...

— Верно, десятник, — Велимудр сделался еще важ-нее, по крайней мере — в собственных глазах, синих, как лесное озеро. — А почему? Чтоб я на тебя влиял! Это Михайлы-боярича придумка!

— Сотника? — хлопнул глазами Глузд. — Слышь, Вель... Велимудр... А правда вы с бояричем в Царьграде много повоевали?

— Было дело, — рыжий пригладил вихры. — Так ведь не я один. И Ермил, дружок мой, там был, и много кто из наших еще. Даже сестрица моя беспутная — Горька.

— Та, что тебе — зуб?

— Она-а... Замужем теперь, за гостем торговым из Ладоги.

— Ладога? А где это? Там же, где и Царьград?

— Ну... маленько в другую сторону.

— А Царьград красивый, большой? — не отставал Глузд.

А Велька и рад — ишь, как слушает!

— Большой — да. Как десять Туровов. А насчет красоты, тут уж — кому как. Мне так на приволье лучше. Эвон, глянь-ко кругом — река, озера, лес, луга вон, поля, покосы... Красота и есть! А в Царьграде — одни камни.

— Что значит одни камни?

— Дома все из камня, стены, улицы — тож.

— И улицы даже? Ну, дела-а!

— Та-ак! — водрузив на голову шлем, вдруг спохватился Велька. — Ты что это на посту болтаешь, унот Глузд? Устав гарнизонной и караульной службы забыл? Часовому запрещается... А ну, как дальше?

— Э-э-э...

Вообще-то, унот Глузд был парнишка умный... правда, ленился иногда, особенно в тех делах, которые требуют внимания и усидчивости.

— Вот! — хмыкнув, юный урядник Велимудр настаивательно поднял вверх большой палец... да так и замер, увидев вдалеке какую-то дымку.

Пост младшей стражи, где сейчас несли службу ребята, располагался на поросшей редколесьем круче,

спускавшейся к самой реке, и таким уж дальним не считался. Впрочем, как и ближним тоже. Участок считался спокойным, граничил с землями боярина Журавля. Боярин хоть и сгинул, однако отношения с тамошней властью оставались вполне добрососедскими, и пакостей от «журавлей» никто в Ратном не ждал...

— Вон-вон, смотри! — урядник показал рукою. — Костер, что ли, на покосе жгут? Во дурачины-то! Вот что, друже Глузд, а сбегай-ка...

— Не, на костер не похоже, — невежливо перебил унот. — Вон, дыму-то уже... Может, поджог?

— Да кому там поджигать... Хотя... Оставайся здесь, а я сам сметаюсь, гляну.

Оставив рогатину и щит, Велька перекинул за спину арбалет и опрометью помчался к покосу. Про шлем, конечно, забыл, только кудри рыжие кольхались.

Бежать было недолго, урядник и устать не успел... А пламя-то уже та-ак разгорелось! Казалось, все поле горит, весь луг, весь покос!

Косари уже спохватились, а как же! Тушили всю — таскали шапками воду, пытались сбить пламя одеждою... Да что уж там было спасать! Недаром половица — горит, как сухая солома. Вот и горело...

— Пожню, пожню поливайте! — подбежав, распорядился Велька. — Эх, что ж у вас тут...

Провозившись с полчаса, пожар все же потушили. Сгорела пара стогов да разложенное для просушки сено...

— Похоже, отсюда и вспыхнуло, — Велимудр задумчиво склонился над гарью. — Вон, как выгорело-то, ага. Тут и полыхнуло. А потом пламя к стогам побежало... Не спохватились бы вовремя — сгорело бы все!

— Так оно и так — немало, — из собравшейся на пожар толпы молодежи вперед вышла худощавая девушка, светлоглазая, волосы цвета солнца и ржи заплетены в тугую косу.

— Звеня, ты? — узнав, обрадовался Велимудр. — То-то я и смотрю — знакомая.

Еще б не знакомая. Звеня, Звенислава (Елена в крещении) была одной из тех похищенных девушек, за которыми как раз и хаживали в Царьград ратнинский сотник Михайла Лисовин и его люди, в том числе и Велимудр-Велька. Выручили тогда дев, не всех, правда. И некоторых своих потеряли.

Звенислава тогда показала себя девушкой смелой и мудрой, именно она оставляла на всем пути условные знаки — то височное кольцо на ладейной стоянке, то надпись «Ратное». Умная — что уж тут скажешь, да. Из небогатой семьи... даже лучше сказать — из бедной. Смерды. Батюшка в лихоманку помер, «большаком» и остался один старый Коряга, дед — сто лет в обед, хозяйствовать в таком вот семействе особо некому, хорошо хоть община поддерживала, а так бы... Смерды-то смерды, но из тех смердов, которым до обельных холопов — один маленький шаг!*

Хотя при такой-то жизни и в холопы пойдешь! Вон, Звениславу взять — лет пятнадцать уже, а замуж никто не зовет, хотя парни-то хороводятся. Девка-то красивая... однако — бедная, из тех, кто голь-шмоль и без приданого никому не нужна! Разве что так... полюбится... Не так давно, на Ивана Купалу, так многие парни с ней... Правда, до чего уж там дело дошло — неизвестно. Однако если б до чего и дошло, так парни бы и не выдержали, расхвастались бы уже, раззвонили... Тьфу, хуже баб!

— Ты что плюешься-то, Веля?

— Так... Думаю, отчего загорелось-то? Может, костры жгли?

---

* По «Русской правде» смерды — крестьяне, лично свободные, но зависимые от князя. Обельный холоп — полная зависимость от хозяина, по сути — рабство.

— Костры жгли, да, — тут подошли и парни. — Ночью. Однако все потушили — понимаем, не дурни! Да и на стерне-то не жгли, на бережку...

— На бережку! — передразнил урядник. — Угольки-то, видно, остались, шаяли. А утром ветерок раздул — вот и...

— Тихо! — Звенислава вдруг насторожилась, прислушалась, а следом за ней — и все. — Что это, слышите?

— Будто стонет кто...

— Да нет же! Это ж коровки наши мычат... Да громко как, жалобно! Что, не слышите, что ль? Оглохли?

— Да, — согласно кивнула некрасивая мосластая девица с вытянутым плоским лицом. — Там наш выпас.

— Бежим! — ахнула Звеня. — Вдруг да там что?

Она и побежала, не дождалась ответа. Рванула так, что попробуй угонись — только коса по спине билась! Ну и с полдюжины человек тут же сорвались за ней. Верно, те, у кого коровки...

Подумав, Велька почесал голову и, махнув рукой, побежал следом. Сказать по правде, Звенька ему глянулась. Вот только с приданным как быть? Сам гольшмоль, и невеста такая же будет. Да и не отдаст ее дед Коряга. Скорее, продаст какому-нибудь богатому купцу — в холопки, или отдаст в закупы... Эх, Звенька-Звенька! Предлагал тебе Михайла-сотник — в школу девичью, к мудрым наставницам в Михайлов городок. Глядишь, что бы и вышло. Не согласилась! Горда больно. Да и семейство-то кому кормить — деду? А там — мал-мала... Хорошо, коровенка...

Бежали напрямки — через излучину, через реку. Звенислава, не раздеваясь, так с разбегу в реку и бросилась, переплыла, дальше побежала — мокрая. Остальные — такие же... Хозяева коровенок... стада...